

Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке / отв. ред. И. А. Седакова. М. : Индрик, 2015.

Раденковић Љ. Словенска народна демонологија на синхроним и дијахроним плану // Зборник Матице српке за славистику. 2013. № 83. С. 9–23.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Россия

zhannavarbot@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9783-4292>

К этимологии праслав. *rana

Семантика др.-рус. *рана* ‘побой, наказание, поражение’ и чешских фразеологизмов с участием *rána* — обозначений движения, стремления, достижения, ущерба — является основанием для предположения об образовании праслав. *rana от праслав. *roniti ‘ронять (вызывать падение), терять’ → ‘потеря, разрушение, ущерб’ (ср. рус. *урон*), с реконструкцией первичного значения праслав. *rana *‘результат (на)падения’ → ‘напасть, ущерб’. Значение чеш. *rána* ‘множество’ (во фразеологизмах) позволяет допустить также другое семантическое развитие от ‘ронять’: *‘результат (на)падения’ → ‘накопление (= что напáдало)’ — и, соответственно, амбивалентность первичной семантики праслав. *rana *‘результат (на)падения’ = *‘множество’ / ‘ущерб’.

К л ю ч е в ы е с л о в а: праславянская этимология; семантическая реконструкция; диалектная лексика

В толковании происхождения праслав. *rana преобладает мнение об исходном и.-е. **uronā* от и.-е. **uer-* ‘раздирать, царапать’, родственном **urono-* > др.-инд. *vraná* ‘рана, трещина, царапина’ [Pokorny, 1, 1163]. При этом принимается утрата в праславянском языке *u* перед *r*. Другие существующие версии — от и.-е. *(*e*)*re* ‘раздирать’ (др.-инд. *irna* ‘рана’, лит. *irti* ‘разорваться’), родство с авест. *rāna*

‘воин’ — признаются менее убедительными [Фасмер, 3, 441–442; ESJS, 12, 748; БЕР, 6, 320–322].

Побуждением к попытке поисков иного толкования происхождения праслав. **rana* послужило замечание В. Махека о том, что «родственная связь праславянского слова с др.-инд. *vraṇá* “не прямая”, так как долгота славянского корневого *ā* оправдана только в фактitive *rāṇiti*, производным от которого и является *rana*» [Machek, 1997, 508]. Соответственно, встает вопрос о происхождении праслав. **raniti*, хотя наиболее существенным в замечании Махека представляется указание на отсутствие структурного тождества праславянского и древнеиндийского имен, что, при учете проблематичности для праславянского языка исконного начального *ur*, позволяет ставить под сомнение указанное индоевропейское происхождение праслав. **rana*.

Праславянская глагольная *-i/-j-* основа с корневым вокализмом *a* может быть производной от корня с исходным **a* (ср. **maniti*) или **o* (ср. **plovǫ* → **plaviti*). Этимологическое гнездо и.-е. **uer-* не дает свидетельств глагольных форм с *ā*, кроме слав. **rāṇiti*. Это позволяет обратиться к славянскому глаголу с корневым **o* — **roniti*.

Структурно-словообразовательные отношения **roniti* и **rana* сопоставимы с **voditi* → **vada* ‘канавка’, **krojiti* → **krajь*, **(s)kolti* → **skala*, а глагол **raniti* может быть вторичным имперфективом от **roniti* → **ran’ati* → **raniti* или отыменным от **rana*.

Обратимся к вопросу о степени вероятности семантической связи **roniti* и **rana*. Праслав. **roniti* восходит к индоевропейской основе **re-n-* от широко разветвленного индоевропейского этимологического гнезда **er-/*ere-* ‘двигаться’ при ближайшем родстве славянского глагола с др.-в.-нем. *rennen* ‘бежать’ [Pokorny, 1, 329]. В славянских языках **roniti* развило семантику ‘ронять (= вызывать падение), терять’, с детализацией падения созревших плодов, листья, отделения зерен и жидкости, особенно дробного (о слезах и дожде), и развитием семантики разрушения, повреждения — ср. в литературных языках: болг. *рѡня* ‘осыпать, обмолачивать, вылущивать; лить слезы, сеять (о дожде)’, *подрѡня* ‘подрыть’, с.-х. *рѡнити* ‘лить, проливать (слезы); размывать, разрушать’, чеш. *roniti* ‘лить; плакать’, словц. *ronit’* ‘лить (слезы)’, польск. *ronić* ‘терять, сбрасывать (перья, кожу); губить’.

Составляющие падения, обрушения и течения дают в соединении семантику результата — упадка, ущерба: рус. литер. *урѡн* ‘убыток,

ущерб' и диал. 'спад, убыль' (мурм., влг.), 'неполноценный по физическим качествам человек' (Низ. Печора) [СРНГ, 47, 349–350]; см. особенно рус. диал. олон. *сронить* 'убить, зарезать (скотину)' [СРНГ, 40, 322]. Очевидно, это сближает семантику **roniti* и **rana*.

Весьма серьезный повод для размышлений о возможности семантической близости **roniti* и **rana* дает рус. *прорán* литер. 'суженная часть русла, проход, промоина', диал. 'залив, далеко вдающийся в сушу' (астрах., касп., кубан.), 'проток или рукав в русле, устье реки' (волж., урал.), 'глубокий овраг с крутыми склонами, обрыв' (волгогр., дон.), 'отверстие под стеной бани для выхода воды в яму' (урал.) [СРНГ, 32, 215]. Это слово считается связанным с *rana* [Фасмер, 3, 376], что подсказывается формой, но его семантика явно амбивалентна: составляющая прорыва более тяготеет к *rana* (с общим для всех языков значением этого слова 'повреждение кожного покрова'), но см. выше *ронити* 'размывать, разрушать', а также «водную» составляющую слова *прорán*. Более вероятно образование *проран* от *ронити* также в отношении словообразовательной модели: бессуффиксные префиксальные имена, как правило, являются отглагольными (ср. *проток* / *протока* от *протечь* — при *пролесок* от *лес*).

Семантика продолжений праслав. **rana* во всех славянских языках тождественна в значении 'повреждение кожного покрова', со считающимися переносными 'вред, ущерб'. Следует, однако, рассмотреть и другие значения (= употребления). В древнерусском языке для *rana* отмечаются также значения 'удар, побои; болезнь; страдание, мучение; наказание, кара'; словосочетание *раноу възприяти (прияти)* означает 'потерпеть поражение' (последнее — в Лаврентьевской летописи) [см.: СДРЯ, 10, 333–337]. Очевидна исходная семантика действия / состояния, близкая к **roniti* 'ронять, терять': ср. др.-рус. *rana* 'поражение' и рус. *урон*; чеш. *rana* также значит 'удар; звук удара' [Trávníček, 1952, 1307].

Особенно интересна с точки зрения предполагаемого образования **rana* от **roniti* чешская народная фразеология со словом *rána*. С одной стороны, ряд фразеологизмов, несомненно, опирается семантически на *rána* как обозначение повреждения / ущерба: *zasadit někomu, něčemu poslední ránu* 'добить, забить', *udělat někde ránu* и *dat někomu ránu* 'украсть, обокрасть', *to mu dalo ránu* 'это ему повредило'. Ближе к этому оценочное употребление: *nedat ani ránu* 'ничего

не делать'. С другой стороны, во многих фразеологизмах слово *rána* обнаруживает семантику движения, энергии, стремления: *to je rána do vody* (= *do peřiny, do větru*) 'погоня за ветром', *byť od rány* 'быть быстрым, стремительным', *od své rány něco udělat* 'без принуждения' (= 'по своей воле, настроению'). Семантика результата движения, достижения, конечной точки свидетельствуется употреблением *rána* в *padnout* (= *přijít*) *někomu do rány* 'приблизиться, встретиться', *byť na ráně* 'быть на расстоянии руки, легко достижимым'; ср. еще семантику момента движения: *v tu ránu* (= *na ránu, v té ráně*) *udělat* 'сейчас, сразу' [Trávniček, 1952, 1307–1308; Zaorálek, 2000, 297].

Отмеченная в производных от **roniti* именах семантика повреждения / ущерба / прорыва и семантические составляющие различных характеристик движения в сочетании с составляющими повреждения, ущерба в употреблениях **rana* свидетельствуют о возможности их исконной семантической связи и вкпе с указанными выше возможностями словообразовательной связи могут рассматриваться как аргументы в пользу гипотезы об образовании праслав. **rana* от **roniti*. Первичная мотивация праслав. **rana* при этом реконструируется как 'действие и результат (на)падения', первичное значение — 'напасть, ущерб'.

Наконец, возможно, свидетельством первичной семантической связи с **roniti* являются значения чеш. *je ho rána* 'он толстый' и *je toho rána* 'этого много' [Zaorálek, 2000, 297], если 'много' ← **(все)*, что напáдало, накопилось'. В таком случае приходится допускать для **rana* амбивалентность первичной семантики: 'результат (на)падения' = 'ущерб' / 'множество' — ср. рус. *прóпасть*.

БЕР — Български етимологичен речник / съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев, Т. Тодоров и др. София : БАН, 1971–. Т. 1–.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / под ред. Р. И. Аванесова, И. С. Улуканова, В. Б. Крысько. М. : Русский язык, 1988–. Т. 1–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.

- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / hl. red. E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková. Praha : Academia, 1988—. Zesz. 1–.
- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. 2 vyd. Praha : Lidové noviny, 1997.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B. 1–2. Bern : A. Francke, 1949–1959.
- Trávníček Fr.* Slovník jazyka českého. 4 vyd. Praha : Slovanské nakladatelství, 1952.
- Zaorálek J.* Lidová rčení. 4 vyd. Český Těšín : Academia, 2000.

Е. Н. Варникова

Вологодский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Вологда, Россия
e-varnikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7612-1306>

К вопросу об «императивных» конструкциях в славянской ономастике

В статье анализируется семантика «императивных» образований в сфере русских собственных имен и апеллятивов, устанавливаются механизмы, определяющие их экспрессивность.

Ключевые слова: «императивные» конструкции; славянская ономастика; антропонимы; мифонимы; топонимы; микротопонимы; зоонимы; русские и украинские фамилии

Конструкции с опорным компонентом – существительным и предшествующей частью, омонимичной форме повелительного наклонения глагола, отмечены в разных классах славянской ономастики. Такие структуры встречаются в русских, украинских, польских, болгарских названиях населенных мест, в русских названиях рек и озер, в русской исторической и современной микротопонимии, в именах героев восточнославянского сказочного эпоса, в древнерусской антропонимии, в современных русских и украинских фамилиях, в сказочной и исторической русской зоонимии. В нашей статье анализируется семантика «глагольных» образований в сфере русских собственных